

в Америке и Бельгии. Причем в Америке ему довелось работать над «атомным проектом». В самом конце жизни к Петеру Прингсхайму пришло признание на родине. В 80 лет он получил звание почетного профессора в университете немецкого города Гиссена.

Книга Евгения Берковича, несмотря на небольшой объем, вместила большое число судеб, исторических эпох, интересных подробностей. Прекрасное предисловие написал к книге Александр Мелихов, сам имеющий математическое образование, кандидат физико-математических наук. Внушает уважение библиография к книге, размещенная на семи страницах. А как много в ней фотографий! Благодаря им читатели могут видеть лица ученых, о которых идет речь. Впрочем, об этих необыкновенных лицах я уже писала в самом начале моей рецензии.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Александр Ломтев. Финский дом. Хроники уходящих времен.

М.: Интернациональный Союз писателей, 2017. — 156 с.

(Серия: Современники и классики).

Александр Ломтев. 365. Опыт спонтанной антологии по господину Монтеню.

Художественная проза. Саров: Информационно-издательское агентство «Саров», 2014. — 642 с.

Книги Александра Ломтева — синтез прозы классической и рифмованной, беллетристики и философской публицистики. Драма, фарс, фантастика, лирика... Переплетаются жанры, совсем короткие главы чередуются с пространными. Зарисовки-новеллы о быте и нравах людей, о явлениях мистических, необъяснимых перетекают в неизбежные для зрелого писателя раздумья: как, зачем и почему? Так, подчиняясь прихотливому извигам мысли, работал над своими «Опытами» Монтень, французский философ-гуманист XVI века. Так построен и «Опыт спонтанной антологии...» А. Ломтева. В книгу «Финский дом», своего рода выдержку из этой антологии, вошли повесть, давшая название сборнику, цикл новелл «Ичкериада», философское эссе «Онтология смерти». Повесть «Финский дом» — редкая возможность узнать об обыденной жизни в «секретном городе», возникшем в середине прошлого века около древнего монастыря, в городе, окруженном колючей проволокой и солдатами с автоматами. В 1946 году по приказу Берии финны по репарации передавали советской стороне бруски для сборных домиков, возводившихся эсками взамен землянок и бараков на месте будущего «ядерного» города. В таком двухэтажном, трехподъездном доме в Сарове прошли детство и юность будущего писателя А. Ломтева. «Здесь потекла светлая жизнь, полная надежд и ожиданий, странно уживавшаяся с мрачным бытом старых бараков и неряшливыми частными дворами». Он и его знакомые, соседи, друзья — герои этой «повести без сюжета и главного героя». Хотя сюжет есть: он задан четкой ритмикой сменяющихся эпох, аромат времени каждой тонко передан в лаконичных новеллах. Молодые годы секретного города, где готовили супербомбу: взорванные храмы монастыря; эскизы на стройке уже новых, кирпичных домов; мальчишки, играющие в деревенские игры. Середина 60-х годов XX века, когда «мир только-только отходил

от Карибского ужаса, поеживался, прислушиваясь к эху хрущевского башмака», а жители финского дома в общий «капустный день» дружно тяпали капусту на засолку, отдыхали у телевизора с крошечным экраном, играли по воскресеньям в домино под дворовыми тополями. После капитального ремонта 1975 года в доме появились ванны и газовые плиты, но было жалко чугунной печи с ее живым огнем и запахом дыма и бежавшего молока. А советская власть принимала запреты, коверкающие судьбы подрастающего поколения. Ужесточались времена, ужесточались нравы. Уютный XX век сменился новейшими временами: «Тепло ушло, душа куда-то, как вода меж пальцев, просочилась». «Городка, который пробился когда-то на свет в лесах вокруг старинного монастыря, уже и нет, как нет и той страны, что волшебным образом, невидимой волей из неясного замысла сделала его грозной реальностью». Но городок и его обитатели живут на страницах книги. А. Ломтев как журналист, специализирующийся на «горячих точках», неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии. В его «Ичкериаде» — жестокие будни войны на Кавказе. Ставшие знаковыми места: Ханкала, Аргун, Урус-Мартан, Шали и, конечно, Грозный. Герои — офицеры и рядовые российской армии, боевики, бывшие рабы, дети и старики, зарубежные журналисты. Истории трагические и почти мистические. И вопросы, вопросы: почему так легко было вывести из состояния покоя целый народ, почему так просто люди взялись за оружие и начали стрелять во вчерашних соседей? Почему так быстро озлобились, пришли в дикое первобытное состояние? И чего добились?.. А как быть тем, в чьих жилах течет кровь двух народов? «Финский дом» — своего рода квинтэссенция, извлеченная из многостраничной книги «365», где А. Ломтев во времена и пространстве чувствует себя вольготно. Автобиографические в своей основе новеллы: детство, когда «кругом было лето и свет, и свобода двенадцати лет», юность, когда хотелось приключений и испытаний духа и тела, работа в районной газете, ситуации экстремальные и обыденные, истории времен советских и нынешние. Город Саров и села Нижегородчины, когда зимой настоящий русский мороз, мерцающие звезды, волчий вой. И неизбежные чудеса, и по сей день творимые Серафимом Саровским. И память о том, как спасали монашенки свой Дивеевский монастырь и не смогли спасти, и Великая Отечественная в воспоминаниях стариков. Россия советская — Крым, Краснодарск, Каракалпакия — и горячие, горячие точки бывшей империи — от Чечни до Луганска. И вопросы, вопросы: «Михаил с мечом в руках... Александр Невский, Дмитрий Донской, Федор Ушаков... мальчик-солдат, погибший в Чечне от рук боевиков и канонизированный православной церковью... неужели это судьба человечества: с оружием в руках добывать добро из зла?» Герои книги не только обычные люди, но и ангелы, святые, черти и те, кому очень несладко сегодня: русалки, лешие, домовые. «Странная штука — наше российское житье», есть в ней место и мистике: ночной звонок, голос давно умершей матери: «какая разница, умерла — не умерла, сердце-то за вас, детей, все равно болит». И вечные вопросы: зачем живем, в чем смысл жизни? Серьезно над ними размышляет автор, парадоксами и притчами в беседах за домино и пивком с закадычными друзьями: научным сотрудником Феропонтычем и беспутным Витьком — мыслит проходящий герой обеих книг, рабочий, книголюб и философ дядя Вася. «А время бесшумно и неустанно идет и идет, ведя каждого навстречу его судьбе...» И, кажется, невозможно остановить бег времени. И — человек живет памятью, воспоминаниями, что забыто — того, считай, и не было...» У А. Ломтева, хранителя времен, из отдельных фрагментов складывается цельная, впечатляющая картина жизни огромной страны от середины прошлого века до дней нынешних.

Сергей Арно. Записки странствующего писателя. О подводных погружениях и древних цивилизациях. Художник Е. Морозов. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2016. — 296 с.: ил.

Для петербургского писателя Сергея Арно все началось осенью 2014 года, когда однажды вечером ему позвонила Наталия Берзина, директор фонда «Созидающий мир», и предложила принять участие в проекте «По следам „Калипсо“». Съёмочной группе, в состав которой входили и дайверы, предстояло снять серию документальных фильмов о Жаке Иве Кусто и его команде. Маршрут включал Францию, Монако, Египет, Судан, Коста-Рику. С. Арно, человек «кабинетный», не устоял, стал «странствующим писателем». Он побывал на Всемирном фестивале подводных изображений в Марселе; в Музее дайвинга в городке на Лазурном берегу, где Кусто, родоначальник дайвинга, делал первые погружения и снимал известный фильм «В мире безмолвия»; познакомился с подводными домами Кусто. В Монако посетил уникальный Музей океанографии, «Храм моря», директором которого с 1957 года на протяжении тридцати двух лет являлся Ж.-И. Кусто. «Путешествуя по местам, где бывал Жак Ив Кусто, где он производил съёмки и устраивал дома, я понял, что он всегда находил лучшие места на планете, где хотелось остаться». С. Арно встречался с друзьями и коллегами Кусто, беседы с ними, раскрывающие чудные тайны подводного мира и грустные прогнозы о его будущем, если человек не озаботится его сохранением, включены в книгу. Кратко и емко делится писатель своими впечатлениями об увиденном. Монако, карликовое государство без карликов. Египетские города живых и мертвых: Луксор, Каир, Гиза. Каирский рынок, где «можно найти заржавленный кинжал, каменную голову с надгробья, граммофон, серебряную пулю и осиновый кол... все что угодно». Пустыни Судана и пышная растительность Коста-Рики. Непосредственные впечатления — это и контакты с коренными насельниками экзотических мест, их колоритные реплики, непредсказуемые поступки. С. Арно пишет и о том, что осталось за кадром, что снимать запрещалось: обилие военной техники и вооруженных людей в Египте и в Судане. Писатель был не просто сторонним наблюдателем, сопровождающим группу профессиональных исследователей морских глубин. Он и сам совершал погружения под воду, для чего прошел краткий курс обучения сначала в бассейне Петербурга, а затем закреплял навыки в Хургаде. Он испытал восторг неопита: «под водой — вы ощущаете себя по-другому, видите по-другому, слышите, думаете по-другому... Вы просто на другой планете»; «После первых вдохов под водой происходит нечто невероятное — вдруг все проясняется! Ты начинаешь видеть и воспринимать все иначе. Это невозможно передать! Ощущения при этом сильнее, чем когда прыгаешь с парашютом». На практике он постигал, какие смертельные опасности таит в себе пучина: наркотическое опьянение азотом, летальная декомпрессия, акулы, остовы затонувших кораблей, течения, способные либо унести в океан, либо на мелководье, где гуляющий по рифам ветер мог истереть человека в труху. Не раз от трагического конца в опасных водах спасали гиды-хранители. Для С. Арно эта книга необычная. Действие всех его романов происходит в Петербурге, городе, полном мрачных, страшных тайн. Он — мастер фантазмагии, абсурда и черного юмора. А здесь — реальные приключения съёмочной группы. Но чувство юмора — правда, заметно «посветлевшего» — писателю не изменяет, он умело сохраняет интригу, оставляя читателя в напряжении ждать, чем кончится очередная опасная ситуация: для ныряльщиков, отправившихся к затонувшим в годы Второй мировой войны кораблям «Умбри» и «Тистлегорму»; для него самого, увиденного под

гипнозом в пустыню. Писатель петербургских мифов, он любовно собирает древние легенды других мест, погружается в историю: тайны Голубой Дыры, где гибнут самые опытные ныряльщики; проклятия фараонов; легенды об основании Каира и Александрии. Он дает волю своей фантазии, когда с картой погибшего моряка (она приложена к книге) совершает единственный поход за пиратским кладом на острове Кокос. (Легендарный остров у берегов Коста-Рики хорошо нам знаком по книге Стивенсона «Остров сокровищ».) И с документальной точностью воссоздает историю знаменитых пиратов, спрятавших свои клады на острове Кокос, и золота инков. У него есть все основания считать, что в подземных убежищах и ныне скрываются потомки тех инков, кто схоронил на острове великое золото Лимы. И все-таки Петербург не отпускает: ведь стоят на набережной возле Академии художеств в Санкт-Петербурге два сфинкса с лицом египетского фараона Аменхотепа III, обнаруженные возле Фив. Случайно ли они попали сюда и что сулят петербуржцам и гостям города?

**Валерий Даниленко. Картина мира в пословицах русского народа.
СПб.: Алетейя, 2017. — 374 с.**

В современных спорах о цивилизационном своеобразии России нередки высказывания, очерняющие русскую историю и приписывающие русским негативные национальные черты. Доктор филологических наук Валерий Даниленко предлагает искать характерные черты русского народа в его пословичной картине мира, ведь именно в пословицах, коллективным автором которых является сам народ, отражено обыденное мировидение этого народа, его нравственные представления обо всех сферах жизни. Анализируется бессчетное количество пословиц, систематизированных по пяти рубрикам: мир, физическая природа, живая природа, психика и культура, материальная и духовная. У русской пословичной культуры древние корни. И автор обращается к мифологической картине мира древних славян, их верованиям, богам — ведь, несмотря на христианизацию, славянская мифология, хотя и в ущербном виде, дошла до наших дней, что отразилось и в пословицах. Незамутненным остался образ солнца: «Солнце не померкнет, народ не сломится». От древности до наших дней «дожили» домовый, леший, водяной. Отголоски былого почитания дуба, олицетворяющего мужскую силу, есть в русских пословицах: «Держись за дубок, дубок в землю глубок». Из четырех стихий (земля, вода, огонь и воздух) ключевой являлась для русских земля-матушка: «Мать сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, своим телом пригревает»; «Родная земля и в горсти мила». И хоть и велика роль Бога в русской пословичной картине мира, но центральное место занимает в ней не Бог, а человек. Пословицы рассматриваются на широчайшем историческом фоне: среда обитания насельников земли Русской, их образ жизни, обычаи. Источники — от трудов византийского историка Прокопия Кесарийского середины IV века, древних летописей до историков новых и новейших времен. Большой отпечаток на русский национальный характер наложили природные условия, о чем исчерпывающе написал В. Ключевский. Исследователь поясняет, как с природными явлениями — неожиданными метелями, оттепелями, заморозками — связаны такие понятия, как «задний ум» русского человека, его упрямство; как в пословицах отразились эпохи Ивана Грозного и Петра I. Автор рассматривает языковое своеобразие пословиц, наличие в них ритма и рифмы, сближающие их с поэзией; прямые и переносные смыслы русских пословиц, например, пословицу «Гроза бьет по высокому дереву» можно отнести

как к дереву, так и человеку. Русские пословицы диалектичны, порой кажется, что они противоречат друг другу, одному и тому же явлению даются противоположные оценки. С одной стороны — «Поспешишь — людей насмешишь», с другой — «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня»; с одной стороны — «На Руси бытие есть питье», с другой — «Вино отнимает разум и добро». Какие же оценки оказываются преобладающими? А. Пушкин видел в русских пословицах квинтэссенцию остроумия и нравственного здоровья нашего народа, а вот современный писатель В. Пьецух выбирает те, что высвечивают в русском народе не самые лучшие его черты. Анализируя русские пословицы, автор приходит к выводу, что в большинстве своем они свидетельствуют о все-таки крепком нравственном здоровье нашего народа: добродетелям поются дифирамбы, пороки подвергаются остракизму. В. Даниленко обнаруживает пять доминирующих черт русского народа: осторожность, идущую от осознания разрушительной мощи физической природы; заботливость, необходимую при уходе за землей («Земля ласку любит»), домашними животными и постепенно распространившуюся на весь мир; рационализм, приоритет ума над чувством; трудолюбие — не мог ленивый народ создать бесчисленное число пословиц, в которых он восхваляет труд и трудолюбие, но порицает лень («Землю солнце красит, а человека труд»); духовность, стремление к истине, красоте, добру, справедливости, единению. Не в теле, а в душе авторы русских пословиц искали то лучшее, что есть в человеке: «Красота завянет, а ум не обманет». Пословичный мир русского народа созвучен сказочному: оба созданы крестьянами, преобладающим населением России вплоть до середины XX века. Герой сказок, Иван-дурак, отнюдь не образец беспросветной глупости и неискоренимой лени, каким его часто пытаются представить. Он — носитель качеств, высоко ценимых народом: за его незлобивость, душевную доброту и сердечность народ одаривает его счастьем, делает удачливым. Предметом анализа становятся и пословичное творчество Крылова, Пушкина, Грибоедова, и употребление пословиц в произведениях Достоевского, Л. Толстого, А. Островского, Салтыкова-Щедрина, и роль в строительстве СССР советских пословиц агитационной направленности, созданных по заказу, но умело, по аналогии со старыми русскими пословицами. Немало — о современной пословичной «культуре»: извращенные пословицы, изувеченные крылатые выражения, искаленные фразеологизмы и цитаты, молодежный жаргон, матерщина. И редко теперь услышишь пословицы, рожденные русским народом: «На Руси святой каждый кустик свой», «Береги землю родимую, как мать любимую». Духовно-культурная деградация? Эволюция или инволюция?

**Питер Акرويد. Уильям Блейк. Пер. с англ. Татьяны Азаркович.
СПб.: Крига, 2016. — 456 с. 463 ил.**

При жизни Уильям Блейк (1757—1827), английский поэт, художник и гравёр, мистик и духовидец, был почти непризнан и умер в полном забвении и нищете, имея твердо установившуюся репутацию безумца, — слишком неординарными были его религиозные, политические, художественные воззрения. Работы Блейка оставались незамеченными еще целое поколение после его смерти. Лишь во второй половине XIX века более поздние критики обратили внимание на выразительность и философскую и мистическую глубину его работ. В XX веке Блейк получил полное и безоговорочное признание: его творчество повлияло на многих модернистов, сюрреалистов, а также на многих композиторов; в Австралии была учреждена Награда имени Уильяма Блейка за вклад в религиозное искусство;

в Вестминстерском аббатстве сооружен мемориал памяти Блейка и его жены. Именно Питер Акройд, выдающийся писатель современности, не первое десятилетие занимающийся историческими изысканиями, воссоздающий колоритные картины Англии XVI—XIX веков и портреты ее великих насельников, и должен был создать биографию этого человека. П. Акройд, рассказывая обо всех важных этапах жизни У. Блейка, разворачивает и масштабную историческую панораму: религиозная и политическая жизнь Англии, влияния Французской и Американской революций на современников и самого Блейка, его разочарования; идеи Просвещения и философские искания того времени — и неприятие многого героем его книги; сложные отношения Блейка с современниками. Автор выстраивает живую портретную галерею друзей и покровителей Блейка, устраивает экскурсии по старинному Лондону. Он докапывается до полузабытых истоков изобразительного и поэтического искусства Блейка, проливает свет на многие «темные», непонятные ныне детали. У. Блейк родился в семье лавочника, в семье протестантов-диссентеров (одно из течений в англиканской церкви), где важнейшая роль отводилась Библии. Картинки на библейские темы украшали стены комнат, и на протяжении всей жизни Блейка она будет оставаться для него главным источником вдохновения, поэзия и живопись Блейка пронизана библейскими мотивами, образами и интонациями. Ребенком он копировал греческие сюжеты с рисунков, на уроках живописи, куда его направили родители, видя его увлечение живописью, познакомился с работами современников. Свое влияние оказал и уличный фольклор. Семь лет он обучался граверному искусству, на третьем году обучения хозяин мастерской направил Блейка в Лондон срисовывать живописные фрески готических церквей. Опыт, полученный во время работы в Вестминстерском аббатстве, способствовал формированию у Блейка его собственного художественного стиля и идей. На протяжении всей своей жизни у Блейка будут видения, часто ассоциирующиеся с религиозными темами и эпизодами из Библии. Свои видения он запечатлел в серии карандашных портретов, «Головы призраков», включающей более сотни образов исторических и мифологических личностей. Центральным в творчестве Блейка всегда являлся религиозный замысел. Он создал свою собственную мифологию со специфическими знаками и символами, которую изложил в своих пророческих книгах. Это целый мир, населенный божествами и героями с необычными именами. Мифология Блейка имеет множество истоков: Библия, греческая и римская мифология, скандинавские Эдды, трактаты теософов, оккультистов и религиозных мистиков. П. Акройд освещает природу необычных персонажей, населяющих созданные Блейком поэтические и виртуальные образы, подробно комментирует как оригинальные произведения великого английского духовидца, так его заказные иллюстрации к шедеврам мировой литературы. Иллюстрации Иерусалима, к «Кентерберийским рассказам» Чосера, к Библии, к «Книге Иова», к «Потерянному раю» Мильтона, «Головы Поэтов», «Головы Призраков». Незаконченной осталась серия гравюр к «Божественной комедии» Данте — работу прервала смерть Блейка. Блейком был изобретен рельефный офорт, со временем ставший важным коммерческим методом печати, — П. Акройд повествует и о технологических экспериментах Блейка в области гравировки. Эта книга не только литературная биография, но и художественный альбом, выполненный с большим вкусом дизайнером Д. Зенченко: беспрецедентно большое количество работ Блейка, огромное количество картин и фотографий, иллюстрирующих исторический, этнографический, политический контекст времени У. Блейка, портреты, репродукции картин, скульптур и гравюр предшественников и последователей.

Анна Ветлугина. Игнатий Лойола. М.: Молодая гвардия, 2016. — 306 с.; ил. — (Жизнь замечательных людей. Малая серия: вып. 103).

Успешность и закрытость ордена иезуитов, утвержденного папой в 1540 году, всегда порождала неоднозначные оценки — от ненависти и яростных обвинений во всех смертных грехах до дифирамбов. Не раз будущим основателем ордена Игнатием де Лойолой (1491—1556) и его сотоварищами интересовалась инквизиция. Но по итогам судебных разбирательств — а именно их добивался Лойола — инквизиция не обнаруживала ошибок ни в жизни, ни в учении обвиняемых. Протестанты и мыслители гуманистического толка видели в Лойоле мракобеса, а само слово «иезуиты» стало синонимом интриганства, двуличия, коварства. В 1773 году под давлением католических монархов Европы и деятелей Просвещения, недовольных слишком большим, простиравшимся по всему миру политическим влиянием иезуитов, папа Климент XIV упразднил Общество Иисуса. Указ проигнорировала только Екатерина II, высоко ценившая иезуитскую педагогическую систему, но впоследствии иезуитов из России выслал Александр I. Несмотря ни на что, орден иезуитов и по сей день активно работает во всех уголках земли. Анна Ветлугина опровергает ряд устоявшихся негативных оценок деятельности ордена и личности его основателя: неверно ассоциировать орден иезуитов с мракобесием — одним из основных акцентов в идеологии иезуитов всегда было образование, ими основано множество учебных заведений по всему миру; нет документов, подтверждающих роль иезуитов в попытках устранения царствующих персон; Лойола никогда не произносил слов «цель оправдывает средства», его фраза «цель определяет средства» имела другой смысл. Она опровергает мифы о мрачном, авторитарном и косном средневековье, несовместимые с существованием европейских университетов начала XVI века, мощных научных центров с большими свободами в системе преподавания. И даже на инквизицию, основной «штат» которой заполняли юристы, дает возможность взглянуть по-другому, вне «черных легенд». Ключевой фигурой в книге, естественно, является Игнатий де Лойола. Он происходил из влиятельного и богатого баскского рода, стремился к воинской славе, участвовал во многих сражениях. Битва в Памплоне изменила его судьбу: защищая наваррскую крепость, он получил тяжелое ранение и в тридцать лет, с переломанными ногами, оказался прикованным к постели. Лежа на излечении, любитель красавиц, роскоши и рыцарских романов, не представлявший жизни без модных обтягивающих сапог, увлекся житиями святых. Вместо рыцарства он избрал путь духовного служения, сразу же наметив себе вершину — стать святым. А. Ветлугина подробно прослеживает жизненный путь своего героя, до и после ранения, историю превращения вспыльчивого романтика в сурового аскета, в сдержанного и осмотрительного мудреца. В итоге рыцарь-мечтатель, явившийся прообразом Дон Кихота, сумел превратить свое братство единомышленников в новый монашеский орден, напрямую подчиняющийся папе. В книге дана объемная характеристика политической и духовной жизни Европы: локальные войны, Европа, балансирующая на грани протестантизма, резкое падение авторитета католической церкви. Не в последнюю очередь деятельность нового общества спасла католичество в Австрии, Польше, частично в Германии. Книга — хорошее беллетризованное повествование: закрученный сюжет, множество действующих лиц: сам Лойола, его родственники, сотоварищи, дамы-покровительницы, инквизиторы, преподаватели, священнослужители, папы. Воспроизводя жизненный и духовный путь своего героя, автор опирается на «Автобиографию» Лойолы, известную также под названием «Рассказ

паломника», на его «Духовные упражнения», своего рода подробную и внятную методичку, обучающую обычного человека, как достичь единения со Христом, и проводит параллели с психоанализом Фрейда, с современностью, нейролингвистическим программированием, проливающим свет на тайну власти иезуитов над миром и людьми. Правда, психологов XX века интересовала модель «успешного человека», а святого Игнатия — модель идеального христианина. А Ветлугина приходит к неожиданным выводам. Она считает, что, жестоко защищая именно консервативный, традиционный мир в католическом его варианте, Лойола чувствовал тенденцию своего времени острее своих идейных противников и видел за Реформацией призрак будущей дехристианизации Европы, о которой сейчас часто говорят, и бросился на амбразуру, создав мощный аппарат для защиты традиции. А негативное отношение к ордену иезуитов, до сих пор принятое в России, пришло на самом деле с Запада, и исходило оно от преподавателей, политиков, других монашеских орденов католической церкви, не выдерживающих конкуренции.

Елена Жерихина. Этикет петербургской прогулки. Научно-популярное издание. СПб.: Аврора, 2017. — 64 с.; 50 ил. — (Серия Библиотека «Авроры»).

Жизнь петербуржцев прошлого была богата и многоцветна, и прогулки в ней занимали важное место. В первой половине XVIII века гулять по плохо вымощенным улицам города было трудно, разве что зимой, в снег. Летом пешие прогулки совершали в усадебных садах. И все-таки история публичных петербургских прогулок начинается, конечно, с Петра I. Именно основатель города стал приучать жителей к прогулке «просвещенной», для чего в Летнем саду вдоль аллей поставили статуи с табличками и текстами, разъясняющими исторический или мифологический сюжет. Петр I ввел и городские гулянья в Екатерингофе на день 1 мая, приурочив праздник к дням своих побед над шведами. Городская прогулка того времени — это торжественное шествие в торжественном регулярном саду, вдоль аллей, обсаженных шпалерами подстриженных деревьев. Традиционные весенние Екатерингофские гулянья продолжились весь XVIII и XIX века. В этот день в Екатерингоф стекался «весь Петербург, нарядившись в самые пышные летние обновы». Просторные места для регулярных ежедневных гуляний устраивались при учебных заведениях — в гигиенических целях. В закрытом саду Смольного института, созданного по указу Екатерины II, кроме оранжерей, газонов, клумб, фонтанов, были и три пруда, один из них — для купания воспитанниц. По ее же велению в мае 1773 года в просветительских целях для смолянок организовали экскурсию в Летний сад. Желающих полюбоваться группой «единолетних девиц, одноцветною украшенных одеждою», стекло столько «о берегу Невы, через всю Миллионную улицу до самого сада», что они «сделали великую тесноту». А князь Григорий Орлов приготовил к их приезду роговую музыку, дабы «привыкший их вкус к нежности во время гуляния забавлять музыкой». Красиво увеселялись наши предки. Едва ли не впервые в Европе и именно в нашем городе местом городских прогулок стали не только сады и парки, но набережные и улицы. Произошло это майским днем 1801 года, когда впервые в истории города император Александр I с супругой вышли гулять на набережную Невы, и Г. Державин посвятил этой прогулке оду. Затем император ежедневно ходил по улицам столицы, ему вторила досужая публика. В начале XIX века были установлены места городских прогулок «лучшей публики»: Большая Морская и Невский проспект,

бульвар у Адмиралтейства, Английская и Дворцовая набережные, Летний сад. С течением времени список этот расширился, и каждый петербуржец знал, что в определенное время в определенном месте он встретит множество своих знакомых, семью императора, а за ней и «весь свет». Историк быта и архитектуры Елена Жерихина увлеченно повествует об излюбленных местах гулянья петербуржцев в разные годы, в разные сезоны: прогулки пешие, верховые, в экипажах, на санках, развлекательные «программы». Не в последнюю очередь моду на прогулки диктовал императорский дом. Более всего в Петербурге ценили летнюю водную прогулку по Неве и ее притокам, когда Неву наполняло множество судов самых разных размеров, но и зимой ледяная, заснеженная гладь Невы становилась прекрасной площадкой для сезонных развлечений. Е. Жерихина рассказывает о том, как одевались для прогулок петербуржцы, мужчины и женщины, какие правила поведения были приняты, а о воспитанности лица свет судил в первую очередь по скромности и ненавязчивости поведения. Петербургские прогулки увековечены в литературе. Первым стал француз Жозеф де Местр в 1809 году, описавший свое летнее плавание по Неве, за ним — К. Батюшков. Белые ночи влекли петербургских мечтателей на набережные рек и каналов. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Блок. За ними следовали и герои их литературных произведений. На страницах книги щедро представлены цитаты и из литературных произведений, и из воспоминаний. Воспоминания о «грациозных видах» Петербурга оставила А. Смирнова-Россет, о своих детских прогулках поведали в своих мемуарах князь С. Волконский, А. Бенуа, А. Игнатъев, журналист Н. Лейкин. Н. Лейкин, выросший в скромной семье приказчика, в детстве гулял на огородах на окраинах города в районе Лиговки — такая малознакомая страничка прошлой жизни. В книге представлена одна сторона быта петербуржцев XVIII—XIX веков, в чем-то мы похожи на своих предков, чем-то отличаемся. В книге более 50 цветных иллюстраций, воспроизводящих старинные гравюры, рисунки, картины. Этой небольшой, хорошо оформленной книжечкой издательство открывает цикл «Светский Петербург», куда войдут и такие книги, как «Четвероногие любимцы петербуржцев», «Зимний сезон в салонах Петербурга», «Петербургенка» и «Бальный сезон». Без знания особенностей жизненного уклада петербуржцев понять нашу классическую литературу уже трудно, считают издатели.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)